

ЯВОЛ ЗА ДВЕРЬЮ ДЬЯВО
ОЛ ЗА ДВЕРЬЮ ДЬЯВОЛ
ЗА ДВЕРЬЮ ДЬЯВОЛ ЗА

ДВЕРЬЮ ДЬЯВОЛ ЗА ДВ
ЕРЬЮ ДЬЯВОЛ ЗА ДВЕР
ЬЮ ДЬЯВОЛ ЗА ДВЕРЬЮ
ДЬЯВОЛ ЗА ДВЕРЬЮ ДЬ
ЯВОЛ ЗА ДВЕРЬЮ ДЬЯВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КОНСТАНТИН МОСОЛОВ

Константин Мосолов

За дверью дьявол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69628225

SelfPub; 2023

Аннотация

Кто-то пытается проникнуть к Любе в квартиру, и гость отнюдь не использует звонок: как ненормальный он бессмысленно дёргает ручку входной двери, прогоняя привычную жизнь женщины громким хрустом. Он не показывает лица, не раскрывает своих мотивов и действует абсолютно необъяснимо, тем самым наполняя сердце Любы ужасом. Дома только она и сын – помощи не будет. Однако удача пока с ней: таинственный незнакомец отступит, но придёт ещё. И чтобы разобраться с незванным гостем, Любе придётся понять, кто он: вор, маньяк, её бывший? Человек... или нечто иное?

Содержание

1	4
2	13
3	23
Послесловие автора	43
Слова благодарности	44

Константин Мосолов

За дверью дьявол

1

Старенькая девятиэтажка в сердце спального района. Квартира на шестом этаже. Звуки слабого напора воды из-под крана и лязганья тарелок при мытье сейчас заполняют все помещение. Любовь, женщина средних лет, все еще не сняла с себя синий фельдшерский костюм. Сейчас она моет посуду и делает это, по всей видимости, из последних сил. Люба будто марионетка, держащаяся лишь благодаря нитям: ее немного качает, и уставший фельдшер постоянно проваливается в сон. Она бы, может, и вовсе упала от усталости, если бы не ее больные руки: кисти беспощадно горят от осенней аллергии, которую приносят заморозки, и этот зуд все же держит ее в сознании. Даже когда руки под водой он не проходит. Однако, несмотря на недуг, Любовь также ощущает сейчас, как приятно жидкость размягчает трещины на ее пальцах, как она возвращает эластичность коже, но это ненадолго. Как только кисти перестанут контактировать с водой, через несколько минут ее кожа высохнет, стянется и уже не позволит даже сжать руку в кулак. Если Люба все же попытается, трещины начнут кровоточить.

Фельдшер намывает губкой тарелку, собирается ее ополоснуть, но останавливается. Женщина возвращает вспененное блюдо обратно в раковину и упирается мокрыми, мыльными руками в бока. На костюме остаются мокрые следы, а Любовь скользит ладонями по талии и упирается руками в поясницу, для того чтобы немного размяться; выгибает спину назад, вперед, влево, вправо. Своеобразная зарядка сопровождается хрустом позвонков, который одновременно и приносит удовольствие, и отдается легкой болью в голове. Хрупкое и худощавое тело периодически обтягивается костюмом. Небольшая горбинка в районе трапеций в итоге пропадает. Искривление позвоночника, которое заметно даже в костюме, тоже будто ненадолго покидает это уставшее тело.

– Что за день? – произносит во время последних потягиваний Люба и натужно выдыхает.

Она вновь берется за посуду, в то время как старый, еще из Советского Союза, однотонный кухонный гарнитур своим видом продолжает ее усыплять. Его жемчужный фасад покрыт теплым светом двух дешевых лампочек, освещающих всю комнату, и получаемый в итоге оттенок... Порой на него невозможно смотреть не посапывая. На фартуке гарнитура видны застарелые пятна, которые не оттираются, а нижние уголки двух верхних дверок над плитой и раковиной словно погрызены.

Любовь ополаскивает очередную тарелку, и в раковине

остаётся лишь одна замасленная лопатка. Радостная новость: наконец-то с посудой почти покончено. Дальше можно будет попытаться отмыть саму раковину от желтого налета, который копился здесь месяца три, не меньше. Но на это уже вряд ли хватит сил.

Утомленная женщина несколько раз проходится губкой по лопатке, затем протирает ее и поворачивается налево. С этой стороны от раковины стоит диковинный держатель для кухонных принадлежностей, выполненный в виде старинного канделябра. Его богатый, светлый металлический цвет потемнел, а основание когда-то погнулось, тем не менее вещь выглядит изысканно.

Люба вешает лопатку на «канделябр», и спустя пару секунд дефект, то самое гнущее основание, дает о себе знать: держатель вместе со всеми кухонными принадлежностями валится со столешницы на пол. Засыпающая Любовь уже мечтает лечь в кровать, поэтому, ясное дело, она не смогла должным образом среагировать и поймать неустойчивый «канделябр». Да уж. Бывает, он падает, а бывает, стоит как вкопанный. И словно назло уставшей женщине, валится этот держатель обычно в самые тяжелые дни.

– Сука... За что? – выдыхает уставшая Люба. Ее редкие светлые брови нахмурились, а тонкие губы сжались. И тогда, ненадолго зажмурившись, будто абстрагируясь от злобного мира, она решила сдерживать эмоции. Прошло не меньше десятка секунд, прежде чем Любовь разжала веки, зато сейчас

ее уставшие, с набухшими капиллярами серые глаза излучают лишь смирение, пока она складывает в раковину собравшие с пола всю пыль кухонные принадлежности. Маленький аккуратный нос шмыгает, будто намекает на слезы, но их не будет. Мелочь. Все нормально.

Сложив все упавшее в раковину, выгибая заостренную спину, Любовь закладывает обе руки себе за голову, слегка прижимая при этом пучок светло-русых волос. Голова ноет, ноги гудят, кожа кричит.

«Когда я уже избавлюсь от этого „канделябра“? Нервы только мотает... Красивый, но противный, блин, как бывший, ей-богу... Стоп. А что по времени?» – задумывается Люба и тянется рукой к смартфону, лежащему на столешнице, полной хлебных крошек, которые едва заметны на фоне выцветшего, зашарканного рисунка тростника.

От поднятия телефон выходит из режима сна, и на экране показывается время: одиннадцать часов тринадцать минут. Почти ночь.

– Офигеть... – вслух удивляется Любовь и отходит от раковины. – А Тима уроки-то сделал?

Тимошина дверь находится почти вплотную к гарнитуру, расположенному в углу большой комнаты. Тридцать квадратных метров – площадь этого помещения. Однако в реальности комната на такие цифры не тянет и выглядит весьма тесной. Виной тому служат клубочки пыли, которые местами заполняют пустоты, и беспорядок в самых разных его про-

явлениях.

В дальней части комнаты, на максимальном удалении от гарнитура, криво стоит угловой диван (видно, за него что-то упало, поэтому его отодвигали, а потом забыли задвинуть обратно); напротив него расположился небольшой кофейный стол, заставленный учебниками, кружками, канцелярскими принадлежностями, игрушками и прочей мелочью. У противоположной стены, напротив дивана и стола, на полу, словно бравый полководец, стоит телевизор, за которым громоздится его армия из пакетов и коробок, наполненных самыми различными вещами, как обычно бывает, когда шкафов и комодов в доме недостает. Такое же войско наблюдается у стены напротив кухонного гарнитура. Ряд запыленных пакетов и небольших коробок с вещами начинается возле дивана и простирается вплоть до прохода в маленькую квадратную прихожую. Неподалеку от этого ряда расположилась тяжелая артиллерия в виде нескольких нераспакованных больших коробок, которые расставлены чуть ближе к центру комнаты, так чтобы не мешать проходу. А еще в помещении чувствуется спертый воздух, который также играет свою роль: жилая квартира при таких условиях представляется скорее малопосещаемым тесным складом промышленной зоны на задворках города. Особенно когда за двумя створками панорамного окна, которое зрительно разделяет диван и стол, телевизор и его войско, солнце давно село и молчит гнетущая темень.

– Тима, ты спишь уже? – решила удостовериться Люба, слегка постукивая по двери. Молчание. Под дверью света не видно. Выходит, что спит. Мать тяжело выдыхает. – Засранец. Знает же, что домашку показывать надо. Если так будет продолжаться...

Ручка входной двери, скрипя, медленно движется вниз, затем так же, не торопясь, возвращается в исходное положение. Люба недоуменно поворачивает голову в сторону прихожей и впадает в ступор: кто-то пытается открыть входную дверь.

«Кто это? – задумывается мать. Продолжая стоять возле комнаты сына, она начинает перебирать варианты в голове: – Отец Тимы? Нет, он бросил меня еще до родов. „Ты не планировала, я не планировал. Но случилось. Пока“... Коллеги не знают, где я живу, родители остались в прошлом, а друзья... улизнули с горе-папашей-мудаком-предателем... Так кто же это?»

Тишина и звуки дыхания царят сейчас в мире этой квартиры: дыхание, кажется, наполнило собой всю большую комнату, а тишина обволокла прихожую, словно туман, оседая на тумбе, которая стоит справа от двери, поглаживая шкаф-купе, расположенный у соседней стены.

Вниз-вверх, вниз-вверх! Легкий ступор прервался хрустом дверной ручки, и Люба устремилась в прихожую, по пути прихватив с собой кухонный нож из ящика гарнитура.

«Сейчас сломает...» – успела промелькнуть мысль в ее го-

лове, прежде чем она прильнула к стальной двери и посмотрела в глазок.

С того момента, как Любовь увидела незваного гостя, ее сопровождало странное ощущение. То ли атмосфера бредового сна, то ли какое-то легкое опьянение прорезало полотно привычной ей реальности и проникло в ее сознание. Пытаясь помочь или же, наоборот, навредить, это чувство сглаживало, так грубо и, кажется, неумело, все происходящее вокруг. Будто заставляя страх отойти немного назад и двигая на передовую что-то другое. Может быть, это из-за того, что дверь закрыта на все замки и бояться в действительности нечего?

«Убежал», – подумала про себя Любовь. Она едва успела уловить внешний вид хулигана, потому что незваный гость, как будто почувствовал ее по ту сторону двери и, только Люба посмотрела в глазок, сразу же устремился к лестничной клетке. Темная фигура. Вроде бы ребенок еще, ну или подросток. Весь в черном, в капюшоне... или без него. Она так и не успела рассмотреть проказника. Хулиган убежал, и тогда ее взору представился лишь знакомый вид кармана подъезда, в котором расположены еще две квартиры: одна прямо напротив и другая немного левее.

Необычайно смело для себя, Люба быстро открыла дверь, вышла в карман и развернулась направо к лестничным пролетам, в сторону, куда устремился незваный гость.

– Это что за шутки?! Ну! Попадись мне еще раз! – уверенно прокричала она, после чего прислушалась к звукам,

которые на тот момент были слышны в подъезде.

Спустя несколько секунд Любовь оцепенела от страха. Ее охватил холод, ноги затряслись, а живот закрутило. Она даже не заметила, как разжала руку и выронила достаточно тяжелый кухонный нож, который ранее держала так уверенно. И падал он будто целую вечность, тем самым повинуюсь тому ужасу, который сейчас дышал женщине в затылок, вызывая мурашки между лопаток, который, казалось, схватил и сжал ее своими синюшными ледяными руками, не позволяя двинуться с места, пошевелиться хоть как-то. И только когда нож все же соприкоснулся с полом, Люба смогла выйти из оцепенения, резко услышав звук прыгающего по бетонному покрытию металла. Она мгновенно вернулась к себе в квартиру, хлопнула дверью и закрылась на все замки.

Любовь вновь посмотрела в глазок и застыла в ожидании чего-то ужасающего. Но ничего подобного не явилось: только бело-зеленые стены кармана, нож на полу да двери соседних квартир, которые будто сами уставились на нее от удивления.

Так, прильнув к глазку, она простояла около минуты, всматриваясь и вслушиваясь, после чего, тихо пятясь, добралась до кухонного гарнитура. Люба открыла морозильник и достала оттуда водку. Трясущимися руками она откупорила бутылку, взяла ближайший стакан и, уронив на пол крышку, пролив немного мимо, налила себе примерно сто граммов. Залпом выпила и прокашлялась, после чего открыла хо-

лодильник и достала оттуда дешевую грушевую газировку. Следующий стакан Любовь уже выпила в виде коктейля, после чего, отодвинув бутылку от себя подальше, закрыв глаза, сконцентрировалась на дыхании.

Когда она отдышалась, то чувство, затмившее страх, которое предательски покинуло ее в подъезде, вновь вернулось, но уже в приглушенном виде. Люба немного собралась.

– Пора спать, – открыв глаза, проговорила Любовь дрожащим от ужаса голосом. Она оставила стакан и двинулась к себе в спальню: в комнату, соседствующую с комнатой сына. Расстояние между их дверьми было не больше метра.

«Какой-то ребенок... Может, друг Тимы?.. И что это за... Я просто устала. Пора спать... Два замка закрыты. Пора спать», – рассуждала утомленная женщина и пыталась успокоиться.

Люба разделась и залезла в кровать. В итоге ее окончательно сломила усталость, и она провалилась в сон. Но до того Любовь еще долго смотрела в сторону прихожей, будто могла видеть входную дверь сквозь стены своей комнаты, и она еще долго вспоминала то, что услышала в подъезде. Люба слышала, как какой-то человек в шлепанцах сбегает от нее вниз по бетонной лестнице. Это то, что она могла ожидать и, главное, могла понять, но Любовь никак не могла себе объяснить то, как этот звук постепенно сменялся другим. Грохот шлепок в какой-то момент начал уступать место громовому звуку топота копыт.

2

Квартира почти вся погружена во мрак: лишь в прихожей горит одинокая светодиодная лампочка. Луна озаряет худощавую женскую фигуру в оливковых бриджах и тонкой, почти прозрачной серой футболке, оголяющей подтянутый плоский живот. Небольшая горбинка и кривой позвоночник, подчеркиваемые рисующим естественным светом, выглядят в этот момент особенно жутко.

Любовь стоит возле окон в большой комнате, при этом внимательно изучая дневник Тимофея. Сегодня вечером, в половине десятого, она приехала с вызова, закрыла смену, а затем, такая же уставшая, как и вчера, вернулась домой; проделала ту работу по дому, на которую у нее хватило сил, переделалась, распустила свои длинные волосы и только потом вспомнила о школьных делах сына. К тому моменту на часах было уже около полуночи. Тимофей спал, а Люба опять опоздала с проверкой домашнего задания. Она так любит чистоту, которую не может себе позволить, ей так недостает ее для нормальной жизни... Что мать опять забылась. Тогда она и решила посмотреть дневник сына, чтобы убедиться в том, что он все выполнил, а не нахватал двоек. Конечно же, ее ждал сюрприз.

Текущая неделя не была отмечена учителями: на этом развороте присутствовали лишь обязательные записи само-

го Тимофея. Зато на предыдущей неделе у парня ни одной положительной оценки, а еще на месте понедельника жирной красной ручкой, большими буквами, кричащим шрифтом одним из учителей было оставлено очень неприятное замечание.

«НЕ ПРИСУТСТВОВАЛ НА ЗАНЯТИЯХ!»

Любовь затрясло. Она двинулась в сторону комнаты сына и одновременно с этим швырнула мятый дневник на захлапленный стол, скинув на пол тем самым пару вещей.

– Говнюк! Позорище! Мне теперь бросить единственную достойную работу, чтобы ты учиться начал?! Будем с тобой бомжами-отличниками, так ты хочешь?!.. Я полгода ждала эту вакансию!.. Засранец! – прокричалась Люба в закрытую дверь. Какое-то время она стояла неподвижно, напряженно, будто готовясь атаковать: Любовь сверлила взглядом дверную ручку, словно она и есть ее ребенок. Мать представляла, как отчитывает сына, наказывает его разными способами, как будет довольствоваться его расстроенным видом. Затем, подавив воображение, она все-таки отвела разгневанный взгляд в сторону и подошла к холодильнику. В комнату к Тимофею Люба решила не заходить, но сдерживать эмоции больше нет сил – в ход снова идут водка и газировка.

Достав бутылки, Любовь потянулась к стакану, который стоял возле раковины, неподалеку от диковинного держа-

теля. И, пребывая в таком состоянии, мать, разумеется, не уследила: случайно задела «канделябр», и тот повалился. Тогда, не сдерживаясь, пока еще держатель не соскользнул со столешницы на пол, она резким движением руки откинула его подальше. Тяжелый «канделябр» ударился о фартук гарнитура и почти со всеми кухонными принадлежностями рухнул в раковину. Тем самым Люба немного разрядилась, после чего намешала желанный коктейль и залпом опустошила граненый стакан.

– Двенадцать с лишним – смена, двенадцать – на самом деле нет – на сон. Подмена, сон, смена, сон, подмена... Уборка, твою мать... Ну не могу я все успевать!.. – хныкала мать со стаканом в руке. Спустя мгновение у нее начала чесаться левая кисть: кожа меж пальцев и на внешней стороне ладони шелушилась. Любовь, продолжая горевать, тут же принялась скоблить покрасневшие участки своими слоющимися ногтями. – И бросить я не могу эту работу! Другие варианты даже рядом не стоят! Да, мы имеем немного, но это лучшее, что сейчас есть у нас с тобой!.. И на няню... ну... ну никак я не найду!.. Я же свожу концы с концами, а ты вон как... Тима, Тима... Хочу нормальную жизнь.

Вниз-верх, вниз-вверх!

– Блядь! – вскрикнула от хруста дверной ручки Люба и уронила на пол стакан, тем самым разбив его, после чего отскочила в сторону. Оправившись от испуга, она собралась и, аккуратно перешагивая через осколки, немного отошла от

кухонного гарнитура, чтобы видеть прихожую. – Закрыто, мудаки! Это тебе не трамвай! – выплеснула эмоции Любовь, после чего услышала, как кто-то по ту сторону двери вставил ключ в замочную скважину. – Что?..

Замок начал издавать щелкающие звуки, тем самым доказывая, что ключ действительно подходит. Люба побежала в прихожую. Она схватилась за дверную ручку, вертушку второго замка и стала их удерживать, чтобы некто не открыл дверь. Однако какого-то весомого сопротивления не последовало, наоборот: таинственный гость мгновенно отступил. Любовь быстро посмотрела в глазок.

То же самое. Почти. Фигура в темном быстро скрылась в направлении лестничного пролета, в этот раз сопровождая свой побег истерическим смехом.

То самое чувство, что придавало Любе уверенности, вернулось и не дало сразу осознать, что смех звучит как-то странно. И тогда, вместо того чтобы прислушаться, она схватила металлическую ложку для обуви, которую, не отрываясь от глазка, отыскала на тумбе, открыла входную дверь и выбежала на лестничную площадку.

Только Любовь хотела выкрикнуть пару-тройку фальшивых угроз, как вдруг осознала, что не может понять, кто смеется: женщина или мужчина? У голоса была большая высота, а его тембр был непостоянным. Вслушиваясь, Люба все больше понимала, что этот смех аномален: как будто бы трахея и бронхи, полости рта и носа у этого человека пребывают

в бесконечном, безостановочном и циклическом процессе перемены от одного варианта к кардинально другому. Это была не естественная игра голосом, а глобальные изменения, которые происходят настолько быстро, что подобное можно вообразить разве что в сюрреалистичном сне. Будто организм суетно пытается повторить форму, заложенную в ДНК, но никак не может. Или же, словно пластилиновый, этот беглец способен лепить себя как хочет, и теперь он всю развлекается, используя свой дар.

Хрипота и сиплость в звучании то пропадали, то появлялись, а своей непостоянной звонкостью этот смех в определенные моменты, кажется, касался даже самой души. Это был огромный язык, укутанный зловонным, жарким дыханием, жадно облизывающий тебя всего с головы до пят; грязная, костлявая, холодная рука, крепко ухватившаяся за твоё запястье, оставляющая синяки, которые не пройдут; и толпа бешеных зверей, с пеной у рта, с безумием в глазах изучающая тебя, готовящаяся напасть. Темп, тон, интонация тоже менялись. Все было непостоянным, за исключением разве что благозвучности и полетности: как-то по-особенному этот смех резал слух и был, несомненно, хорошо слышен. Настолько, что, казалось, на каком бы этаже ты ни находился, он всегда будет доноситься до тебя с одинаковой силой.

Дьявольский хохот сводил с ума, вселял страх, но не само его звучание в итоге загнало Любовь обратно в квартиру. Не это заставило ее отчаянно кричать и молиться про себя.

В один момент Любе удалось уловить что-то конкретное в звучании и зацепиться за это. Смеющийся будто позволил ей разобраться в том, где он и куда движется. Она даже смогла расслышать уже знакомые ей грохот шлепок и топот копыт. Вывод был такой: незванный, ужасающий гость находился на несколько этажей ниже и бежал сейчас к выходу. Мгновение Любовь думала подойти к лестнице поближе и глянуть вниз, чтобы попытаться рассмотреть бегущего, но она была слишком сильно напугана. В любом случае Люба все равно никого бы не увидела. Какофония, казалось, стихала, однако вскоре начала нарастать. И смех вновь растворился в пространстве, пробегая по всем поверхностям, занимая каждый угол этого старого, обветшавшего подъезда.

Любовь подумала, что беглец почуял ее страх и развернувшись, побежал вновь на ее этаж, но тогда топот должен был хотя бы на секунду прекратиться (она все еще могла различить его среди всего безобразного шума) или же, пусть на мгновение, но изменить звучание. Испуганная женщина была в недоумении, а безумная, адская песнь становилась громче и объемней, все больше заполняя собой помещение. Но очень скоро Люба все поняла. Смеющийся приближался, поэтому звук, вопреки всем аномалиям, вновь стал становиться четче и конкретней, позволяя определить положение своего источника. Тогда Любовь, уже окончательно скованная страхом, взглянула на верхний лестничный пролет.

«Он все это время бежал вниз, – с ужасом в глазах осозна-

ла она. Люба смотрела на верхнюю лестничную площадку и ожидала там монстра, который сожрет ее душу. – Но как?! Он же был на нижних этажах! Невозможно! Невозможно!»

И в этот момент, когда, казалось, смеющийся монстр уже на соседнем этаже, когда Любовь уже почти падает в обморок, ее тело все же пересилило панику: Люба каким-то чудом вышла из оцепенения, забежала в свою квартиру и закрылась на все замки, как это было вчера. В это же мгновение безумный хохот прекратился и наступила тишина, издевательски намекая, что все предыдущее было лишь игрой воображения: монстр нереален, иначе бы он не прекратил смеяться, не прекратил бы гнаться за ней.

Но это не так. Чудовище, вероятно, было огромных размеров, много весило, поэтому бетонные плиты под ним едва ли не разламывались, как печенье, каждый раз, когда оно прыгало с лестницы на площадку. Оно было прямо над Любой, и тому подтверждением является осыпавшаяся штукатурка, которая до сих пор покрывает волосы и плечи испуганной женщины.

Прижимаясь к двери, еще минуту, не меньше, Любовь ревели и кричала. Затем, даже не посмотрев в глазок, чтобы убедиться в своей безопасности, пошатываясь, продолжая кричать, она зашагала к кухонному гарнитуру. Чудом не наступая на осколки, ощупывая столешницу, словно слепая, Люба искала телефон (она оставила его на кухонном гарнитуру, вспомнив о домашнем задании Тимы) и когда нашла,

решила набрать номер аварийно-спасательной службы.

Женщина вновь прижалась к двери и, приложив телефон к уху, посмотрела в глазок. Неожиданно, как иголкой кольнули, ее осенило:

«Мне не поверят, – пронеслась мысль откуда-то из глубин сознания. Крик сменился тяжелым дыханием, а за одной мыслью последовали и другие. – И что я видела? Ничего. Ребенка какого-то. Наверное. Но слышала! Но... Но это неправда. Так не может быть. Я как сумасшедшая...»

– Служба спасения... – принял вызов оператор, на что Любовь даже не обратила внимания, так как была полностью погружена в свои размышления. Только сейчас она осознала, насколько ее показания будут казаться безумными, и насколько они могут быть опасными для нее. Она расскажет все, что слышала, а затем полицейские, косясь на нее, осмотрят грязную квартиру, почувствуют запах алкоголя из ее рта, заглянут в дневник сына и поймут, что она не справляется... Ее посадят в психушку, а Тимошу заберут. – Что случилось? Прошу вас, не молчите.

– Случайно набрала. Прошу прощения, – с апатией в голосе и туманом в глазах ответила Люба, когда наконец услышала оператора.

– Вы... – не успел договорить сотрудник службы спасения, и Любовь сбросила вызов. Затем она кинула телефон на тумбу и быстро выскочила из прихожей в комнату. Люба схватилась за одну из больших коробок, что пылились здесь

уже не первый месяц, и поволокла ее за собой к входной двери. Коробка была достаточно тяжелая для нее, но благо, что относительно небольшая по габаритам: не больше метра в высоту и максимум по полметра в длину и ширину.

Затащив массивный груз в прихожую, Любовь подошла к коробке с другой стороны и двинула ее к входу, подперев дверь. Подергав ручку, убедившись в том, что дверь не получится открыть, она аккуратно, сдвинув навал вещей, расчистила себе место на тумбе и уселась на нее. Люба вновь взяла в руки телефон и, все еще отходя от ужаса, сконцентрировавшись, принялась резво тыкать пальцами по экрану: она что-то искала в одном из приложений своего смартфона.

– Ну! Хоть кто-то! – волновалась Любовь. Ее взгляд был сосредоточен. Туман, что ранее присутствовал в ее глазах, исчез. – Есть!

Люба пару раз тыкнула пальцем по экрану, поднесла телефон к уху и, прождав несколько секунд, заговорила:

– Ало!.. Мне нужно сменить замки. Как можно скорее... Но мне нужно сейчас... А зачем вы вообще ночью тогда работаете?.. Так. Ладно. Завтра на шесть. Хорошо... Любовь... Парковая... Тринадцать... Двадцать четыре... Спасибо.

Попрощавшись, Любовь прекратила вызов, сделала глубокий вдох, а затем медленный, долгий выдох. И тогда в квартире наконец воцарилась тишина, которая так долго отсутствовала.

«Ладно. Без сна сегодня. Завтра все равно отсыпной... У

всех разом замки сломались, что ли? Ни одного мастера, – проносились мысли в голове Любы. Какое-то время она просто сидела в одном положении и размышляла, довольствуясь тишиной. Прошло около минуты, и только тогда женщина вновь обратила внимание на дверь. – Что это было?»

Несмотря на очень позднее время, эмоциональную и физическую усталость, Любовь не двигалась с места: она сидела возле двери и караулила. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что опасность позади, что этой ночью больше ничего ждать не стоит, но Люба все равно не ослабляла бдительность. В любом случае она считала, что после сегодняшних событий у нее нет ни малейших шансов уснуть. Да и зачем пытаться? Ведь ее чувства могут быть обманчивы, а враг, возможно, не дремлет. Любовь зареклась бодрствовать этой ночью не смыкая глаз.

3

Вниз-вверх, вниз-вверх!

Люба от испуга проснулась, соскочила с тумбы и прижалась к шкафу-купе.

«Нет! – проскочило в ее голове, когда она с ужасом посмотрела на коробку, отодвинутую от двери. Любовь затрясло. Она взглянула на ручку, и вдруг ее осенило. – Нет! Нет! Как я могла уснуть?!»

Тревога сковала Любу, и каждая секунда в таком состоянии тянулась невероятно долго, словно временные единицы соревновались друг с другом в продолжительности. И несмотря на то что Любовь сейчас пребывала в томительном ожидании, она также ощущала то самое предательское, ложное чувство уверенности, что уже не раз подвело ее. Оно хотело вырваться наружу, как взбунтовавшаяся птица из клетки, но тревога была сильнее. До одного момента.

Вниз-вверх, вниз-вверх!

«Надо действовать! – подумала Люба и подалась к двери, но тут же остановилась, когда поняла, что наступила на пару маленьких кед, которых ранее здесь не было. – Тимоша?»

– Любовь, откройте, пожалуйста! – раздался приглушенный мужской голос одновременно с грузным стуком в дверь. Люба протиснулась между коробкой и дверью и посмотрела в глазок. Мужчина, среднего возраста, в сером комбине-

зоне и кепке. Темноволосый, с небритостью, что отталкивает (в этом плане он напомнил Любе Тимошиного отца), зато с добрыми карими глазами. За ним неподалеку стоит встревоженная соседка, пышная бабуля лет восьмидесяти, одетая как капуста, кажется, во все, что смогла найти в своем шкафу: шерстяные носки, подштанники, платье, флисовая толстовка, шаль на плечах, платок на голове – и все это самых разных цветов и узоров. Удивительно, что она в своих утепленных галошах еще в тапки не залезла.

– Ты... Ты что делаешь?! – возмутилась старушка и обратила на себя внимание мастера.

– Что? – спросил мужчина недоумевая.

– А ты не видишь? Дом старый! Сам того и гляди на днях развалится! Он еще стучит тут... Ох, не знаю даже, кто быстрее – дом этот или я – закончимся... – объяснила бабуля, после чего, достав платок, принялась вытирать им свой вспотевший лоб. Мастер же со скептическим видом вновь взглянул на дверь и продолжил добиваться ответа от Любы:

– Я замки менять приехал!.. Или хотя бы просто отзовитесь! Если это отмена, платы не возьму! Просто дайте знать, у вас все в порядке или нет?!

– Сынок, брось ты это дело! Она пьянчужка! Напилась опять и думает сейчас: ломятся к ней! Зажалась в углу с бутылкой поди! Она, вон, с ножом недавно бегать начала по подъезду! Мы с Тamarой Васильевной нож подобрали, так даже отдавать не стали: мало ли... – начала соседка стару-

шечьим голосом уговаривать мастера уйти, но Любовь перебила ее:

– Сейчас открою! Простите! – прокричала Люба и посмотрела время на телефоне. Шесть часов двадцать семь минут после полудня. Любовь положила смартфон на тумбу и выглянула из прихожей, чтобы посмотреть время суток за окном.

«Сумерки», – мысленно резюмировала наблюдение Люба, удивляясь тому, сколько она проспала.

– Ну что ж вы так? – расстроено спросил мастер, когда Любовь открыла дверь. Взгляд Любы сразу зацепился за лицо: как бы мужчина ни хотел выразить негодование, в его глазах читалось скорее беспокойство. Даже понимание, пожалуй.

«Сочувствует? Похоже, он не раз видел испуганных женщин, желающих сменить замок, раз так смотрит», – промелькнула странная длинная мысль в голове у Любы.

Мужчина смотрел прямо в глаза, не отрываясь, будто все, что он хотел сказать, можно было передать мысленно, через взгляд. Мгновение спустя он протянул Любе ложку для обуви, и только тогда она вспомнила о ней. Вчера Любовь даже не ощутила, как ее выронила, да она даже звука не услышала! Настолько она была сосредоточена на том ужасе, что творился в подъезде.

– Прошу, извините меня. Я не выспалась совсем и продремала вас. Проходите, пожалуйста, – проговорила Люба,

выходя из очередного ступора. Широким жестом она предложила мастеру зайти и забрала свою ложку. Мужчина недобольно помотал головой и переступил порог, тем самым открыв вид на карман подъезда с соседкой возле квартиры напротив. Бабуля окинула Любовь неодобрительным взглядом, на что последняя решила никак не реагировать и просто закрыть дверь.

Мастер сразу же принялся осматривать замок. Тщательно проверяя механизм, он то открывал дверь, то закрывал ее, при этом пробуя разные варианты: прилагал больше усилий, меньше, резко дергая ручку или плавно. Люба же за это время успела отодвинуть коробку, показать документы на квартиру, сделать гостю чай, после чего с ужасом принялась размышлять о событиях, которые происходили, пока она спала: «Тима собрался в школу, вышел в прихожую, а там мать на тумбе спит и выход забаррикадирован... Отодвинул коробку, ушел в школу, вернулся с нее, а мать все еще на тумбе... Жесть... Надо будет с ним поговорить. И про учебу поговорим, и про эту ситуацию заодно».

Любовь все рассуждала про себя, как вдруг к ней обратился мастер:

– Слушайте, замки-то у вас тут классные стоят! Точно менять хотите?

Мужчина продолжал осматривать механизм, все еще выискивая несуществующую поломку.

– Точно, – уверенно ответила Люба, в то время как мастер

отпил чай и продолжил изучать замок.

– Вам, может, личинки только поменять? Я так понимаю, поломки тут никакой нет, но есть потребность, чтобы ключи были только у вас. Или что?

– Ну да... Да, верно.

– Там ведь и цена разная! Либо целый замок, либо...

– Да, хорошо. Давайте личинки меняем.

– Все. Вопросов нет. Меняем, – одобрительно проговорил мужчина и начал рыться в своем ящике для инструментов. – Расскажите, в чем дело-то хоть? Арендаторов неприличных недавно согнали или, может, еще что?

Любовь не знала, как ответить на этот вопрос, поэтому, прикрываясь мнимым желанием заварить себе чай, она временно переместилась на кухню, где неожиданно вспомнила о своем вчерашнем срыве: Люба увидела в раковине держатель. Тогда она, раздраженная воспоминаниями, прогоняя негатив, быстро достала из раковины «канделябр» и аккуратно, чтобы он не упал, вернула его на прежнее место. Только после этого, тяжело выдохнув, Люба поставила электрический чайник кипятиться и, схватившись за голову от эмоциональной усталости, наконец задумалась над тем, как же все-таки поступить. С одной стороны, ей хотелось выговориться: все, что с ней произошло, очень трудно было держать в себе, да и не нужно, а то еще и скажется как-нибудь... С другой стороны, произошедшее с ней едва ли можно было сравнить с какой-нибудь рядовой проблемой: она будет похожа

на шизофреничку, если расскажет, что с ней произошло! А потом белый халат, длинные рукава... Сына заберут... Однако, несмотря на тяжесть дилеммы, Любовь все-таки нашла решение. Она вернулась к мастеру и начала свое повествование.

В общем-то, Люба пересказывала все как есть, за исключением разве что необъяснимых моментов. Допустим, топот копыт она заменила на топот группы подростков, а хохот Любовь представила как рок-музыку из портативной колонки. В итоге история местами преобразилась, зато стала правдоподобной: наглые хулиганы, а именно некие подростки-панки, на протяжении двух дней мучают женщину и пытаются попасть в ее квартиру.

Когда Люба выговорилась, ей все же полегчало, хоть она и не смогла поведать ужасающую правду, а мужчина к тому времени уже закончил работу. Он показал, как дверь запирается, открывается, отдал ключи и, достав платежный терминал, предложил рассчитаться. Любовь в свою очередь нашла среди беспорядка на тумбе банковскую карту и оплатила услуги мастера.

– Послушайте, – приняв оплату, начал он, – я, конечно, личинки вам уже заменил, да и ваше решение по большей части кажется логичным...

– Да-да, говорите! Ничего страшного!

Люба почувствовала, что мастер ощущает себя неловко, поэтому не может договорить. Мужчина натужно выдохнул

и продолжил:

– В общем, я считаю, что в такой ситуации вам в первую очередь нужно было думать не о «смене замков», а... И неважно, что вы могли видеть и слышать...

– Неважно, что я могла слышать? Что вы имеете в виду? Я слышала и видела группу подростков, – с легким испугом и наигранным недопониманием спросила Любовь, после чего ей в голову пришла мысль: она настолько обезумела, что это уже и не скрыть.

– Не воспринимайте в штыки, пожалуйста. Я просто с подобными вещами дело имел и понимаю, насколько все может быть серьезно...

– Что вы имели в виду? Эта фраза... Неважно, что вы могли видеть и слышать. Что вы имели в виду? – нервно перебила Люба.

– Любовь, я у вас просто причину спросил. Ответить можно было коротко, неясно, скомкано, но вы не ответили никак: сказали, что хотите сделать себе чай, и ушли на кухню. Отсутствовали минуту, не больше, затем вернулись и с легкостью мне все выложили. Большую такую, эмоциональную историю рассказали. Без чая, – сказал как есть мастер. Люба опешила: она действительно забыла о чайнике, который ставила кипятиться. – Будто вам нужно было подумать: делиться со мной вашей историей или нет? А история-то тривиальная. Такое везде и всюду происходит... И в полицию не звоните, а сразу слесаря зовете.

– Это вас не касается, – выпалила Любовь.

– Само собой. Я лишь отвечаю вам на вопрос...

– Хотели бы ответить, сказали бы прямо, – вновь грубо перебила она.

– Я не верю в вашу историю, – резюмировал мужчина.

– Я вас поняла. Работа сделана, оплата произведена. Вам пора.

Люба подошла к двери и открыла ее, тем самым подкрепляя свои слова. Однако, несмотря на уверенный вид, в действительности ей было обидно: она так грубо выпроваживает человека, который на самом деле прав. Но Любовь не могла по-другому. Она не может быть сумасшедшей. Правда должна быть только одна: та, что примут остальные.

– Конечно, да и мне на другой адрес уже надо, – согласился мастер и перешагнул через порог.

– Простите за грубость, – девичьим шепотом, неожиданно даже для самой Любы, словно голос разума, вырвалось извинение. Звучало оно, конечно, очень странно после предыдущих высказываний, поэтому еще несколько секунд, понурив голову, Любовь избегала взора мастера. Но затем ее все же пересилило любопытство, так как мужчина остановился, вероятно, в ожидании того, когда она будет снова готова выслушать его. Люба выпрямилась и вновь зацепилась за теплый взгляд мастера, за его добрые глаза. Добрые и понимающие.

– В таких случаях недостаточно «поменять замки». Нуж-

но понять, кто это. Кто он, она или они. А затем разобраться, чего хочет «домушник». И почему ему этого хочется... Кто, зачем и почему. Лицо, цель и мотив.

У Любы сердце сжалось.

– А замок-то... – продолжил мастер, помотав головой. – Это не решение проблемы. Вдруг он действовал отмычкой? Или, может, у него есть доступ к вашим ключам... на работе, скажем? Что ему ваш замок-то тогда новый? Ничего.

– Да, но как я... – почти шепотом согласилась Любовь, но недоговорила, потому что почувствовала, что сейчас заплачет. Слезы подступили к ее глазам, но в итоге, по привычке, она все же не дала волю эмоциям. Если можешь сдержаться, то не выпускай, держи в себе. Так Люба прожила всю свою жизнь.

– Как вы узнаете, что незнакомцу нужно? Кто он такой? Знаете, практика показывает, что во многих случаях жертвы ограблений либо знают своих грабителей, либо это знакомые знакомых. Поэтому вполне вероятно, что вы сможете в этом разобраться, а если нет, просто обратитесь в полицию... Нет. В любом случае обратитесь в полицию. И плевать на обстоятельства, Любовь. Так будет безопасней. Это же не шутки... Однако в любом случае подумайте над вопросами. Если вы ответите на них, полиция быстрее разберется с вашим делом... Или вовсе решение проблемы, может, придет к вам само собой... И без полиции обойдетесь. Кто знает? – спокойно проговорил мастер и двинулся к лестничной клетке.

Напоследок он сдержанно попрощался: – До свидания.

– До свидания, – тихо и покорно ответила Люба. Подавленная, она закрыла дверь на все замки.

«Кто, зачем и почему... – начала размышлять Любовь, как вдруг зазвонил телефон. – А это еще кто?»

Люба приняла вызов от неизвестного номера на своем смартфоне и направилась в большую комнату, по пути включив в ней свет, так как за окном уже стало темно. Она встала у стены напротив кухонного гарнитура и выгнула спину, чтобы немного размять свой кривой позвоночник и в очередной раз прогнать горбинку, что поселилась когда-то давно в районе ее трапеций.

– А! Людмила Михайловна, да, здравствуйте! Я как раз хотела... Да, верно... Как... За четверть?! Ск... Сколько вы сказали? Семь двоек? Это что ж он... – недоумевала Любовь. Спустя несколько мгновений она зажала телефон между плечом и головой, чтобы высвободить руки, потому что аллергия вновь дала о себе знать. Люба расчесывала кожу на левой кисти, прогоняя внезапно появившийся зуд, и вскоре, когда ее голос с приветливого уже сменился на безразличный, ранки на ссохшейся коже начали слегка кровоточить. – Да, конечно, я с себя вины не снимаю... Вы правы... Вы правы... Вы правы, да... Я разберусь. Спасибо... Ага. До свидания.

Любовь сбросила вызов и, выдержав небольшую паузу, с размаху бросила телефон в прихожую. Смартфон попал в зеркальную дверцу шкафа-купе, пустив паутину сколов на

поверхности, отломав пару больших кусков полотна зеркала. Немного рыча и сторбившись, вновь провалившись в эмоциональную бездну, вновь больно ударившись об обстоятельства, Люба направилась к холодильнику. Она взяла все те же сосуды и создала знакомое ей зелье. Один глоток. Второй. Но для спокойствия этого мало.

– Ебаный неуч. В отца, сука... Я делаю все! Я теперь еще и охранник! – прорычала мать и обратила свой разъяренный взгляд на дверь в комнату сына. Любовь шагнула в сторону двери и встала на стеклянные осколки, которые остались на полу еще со вчерашней ночи. В мгновение она почувствовала острую, колющую боль, но при этом осталась на месте, потому что по какой-то необъяснимой для нее причине сейчас Любе хотелось этих страданий. Она перенесла вес своего тела на правую ногу и, делая себе еще большее, будто вдавливая осколки в пол, продолжила: – Сидит тихоня тихонечко. Разве могла я сегодня встать раньше?! Скажи мне! Я всю ночь не спала! Ну-ка! Вышел! Сейчас же! Я!..

Щелк-щелк. Мать резко прервалась, потому что услышала странный звук. Щелк-щелк.

«Дверь?.. Мастер?» – подумала Любовь и развернулась к прихожей. Спустя секунду ее вновь пронизал страх, как это было с утра, и она сразу же вспомнила слова мастера, потому что несколькими мгновениями ранее кто-то вставил ключ в замочную скважину и уже начал его проворачивать.

Люба сорвалась с места в прихожую. Она бежала и видела,

как словно в замедленном темпе крутится вертушка второго замка, как дергается рукоять, как дверь начинает открываться. И на секунду ей показалось, что по другую сторону кто-то держится за ручку, пропуская злой холод в квартиру; кистью, изуродованной язвами, длинными костлявыми пальцами с поломанными, слозящимися когтями, как у животного.

Любовь планировала схватиться за рукоять и, уперевшись ногами о порог, как бы падая назад, силой закрыть дверь, но этого не потребовалось, потому что незваный гость сам запер ее, так и не открыв до конца. Тогда Люба схватилась за ручку и, силой удерживая ее, с облегчением выдохнула, на мгновение закрыв глаза: опасность миновала. Однако вскоре, заметив, что рукоять поменяла местоположение, увидев, что вертушка сменилась замочной скважиной, Любовь, посмотрев на пол, все же поняла, что в этот раз все будет иначе: она стоит по другую сторону двери.

– Нет... – в панике оглядевшись, почти шепотом, жалобно проговорила Люба. Она стояла возле своей двери в кармане подъезда. Что-то перенесло ее туда. И тогда машинально, не увидев в своем дальнейшем действии глупости, Любовь вновь прижалась к глазку.

В результате она увидела свою маленькую прихожую. Свет все также включен, но теперь мигает, как при перепадах напряжения. И главное – Люба увидела себя. Взлохмаченную, с синяками под глазами и неестественной улыбкой: ее рот будто стал шире, а зубы острее. Глаза блестят, и серая радужка

теперь, словно уголь, почти сливается со зрачками. Это был взгляд проголодавшегося животного.

Любовь оцепенела. Видеть себя, да еще и такой... Никакие мысли не лезли в голову, и не пошевелиться, словно сзади тебя кто-то держит: одной рукой за горло, а другой – за живот, чуть ниже пупка, впиваясь когтями, давая понять, что, если ты дернешься, тебя разорвут не мешкая. На фоне подступающей паники Люба не могла понять: это ее тело так аномально переживает происходящие или какая-то невиданная сила удерживает ее?

– Что за хуйня?! – вскрикнула она.

А ужасное существо, мимикрировавшее под женщину, тем временем стояло на месте, не отрывая взгляда от глазка, и улыбка не спадала с его лица. Вскоре, похрустывая стеклом, впившимся в стопы, оно начало пятиться к кухонному гарнитуру, ссутулившись, тихо, будто не хочет напугать, словно животное, что отходит назад лишь с целью подгадать удачный момент, а затем накинуться на тебя со всей звериной отвагой. Одна ухмылка на морде этой твари сменяла другую, а глаза гипнотизировали своей дикостью. И в какой-то момент, как бы дополняя свой и без того отвратительный образ, оно начало пытаться издавать странные звуки.

– По... Па... По... Жа... Жа... – пыталось что-то сказать оно, словно задыхаясь. Это было похоже скорее на придыхание, на попытки имитировать речь тем, кто биологически к этому вовсе не предрасположен. И несмотря на всю нераз-

борчивость, неясность этих отрывков, невзирая на то, что Любовь была по ту сторону двери, она прекрасно все слышала и могла разобрать слоги, что вырываются из пасти странного существа. – Ло... Ло... Лоу.

Каждый раз, когда оно пробовало что-то выговорить, морда этой твари выражала боль, безысходность. Безумие. Пустоту. Чем-то это существо напоминало рыбу, задыхающуюся на суше. И из раза в раз, совершив очередную попытку, неестественно-длинный горизонт улыбки возвращался. Глаза при этом с каждым новым звуком наливались кровью; все больше и больше, становясь все темнее.

И в один момент, когда чудовище, пятившись, уже дошло до кухонного гарнитура, оно случайно задело тот самый держатель, что еще недавно Любовь вернула на место. Ясное дело, «канделябр» упал. Тварь же, зашипев, словно гадюка, отпрыгнула в сторону. Однако затем, когда животное распознало то, что напугало его, оторвав взгляд от держателя, оно вновь с улыбкой посмотрело в глазок, восстанавливая связь с тем, кто за дверью. И оно засмеялось. Так пронзительно и мерзко, что Любе хотелось прикрыть уши, отвернуться, но она не могла. А от дальнейшего Любовь и вовсе затошнило: оно начало трогать и гладить себя, пока хохочет, то ли успокаивая, то ли радуясь тому, что удалось найти. Шелушащиеся руки скользили по животу, бедрам, груди, а смех становился все безумней и громче. И когда оно наконец просмеялось, кажется, за какие-то доли секунды тварь успела

нагнуться, схватить «канделябр» и вернуться в изначальное положение.

– Зачем он тебе? – выпалила шепотом Люба, ошеломленная скоростью существа. И тогда, каким-то образом услышав ее, отвечая на вопрос, при этом не теряя улыбки, оно медленно подняло свободную руку и разодранным от начесов пальцем показало на комнату Тимы. – Нет... Нет!

Любовь затрясло. Она пыталась сопротивляться, брыкаться: мать прилагала все усилия, чтобы вырваться из невидимых лап. Острые когти, что удерживали ее, еще больше впились в живот, горло, и тогда она начала кричать.

Тварь, что стояла возле кухонного гарнитура, сначала наигранно удивилась, а затем вновь пронзительно засмеялась. В этот раз в ее глазах была видна искренность, которая появляется, когда слышишь концовку действительно смешного анекдота.

– Не смей трогать его, сука! – прокричала Люба, уже не страшась боли и продолжая яростное сопротивление, в то время как животное медленно развернулось и зашагало к комнате Тимы. Его зигзагообразный позвоночник, казалось, настолько сильно искривлен, что сейчас порвет кожу и вместе с ребрами выскочит из этого тела как самостоятельный организм, как огромная сколопендра, которая росла и развивалась все те годы, что была заточена в человеческой оболочке. Тем не менее существо уверенно двигалось вперед, игнорируя это обстоятельство и, по всей видимости, вовсе

не ощущая никакого дискомфорта. Дойдя до комнаты, оно спокойно открыло дверь и прошло вперед.

– Мама? – послышался детский испуганный голос из комнаты.

– Тима, не подходи к ней! Тима! – срывала голос мать. Она еще сопротивлялась и игнорировала боль, невзирая на то, что длинные когти будто уже разорвали всю ее кожу и теперь скоблят внутренние органы. Однако, спустя пару мгновений, внезапно Любовь все же остановилась.

Ее тело пронизал холод, потому что после того, как животное прошло вглубь комнаты, спустя пару секунд, она услышала короткий, глухой звук удара тяжелым предметом. Повалившиеся книги. И вновь удар. Вкус железа на языке. Стон. Удар. Удар. Тишина. А через какое-то время послышались грузные шаги, и из комнаты вышло оно. Все в крови. В этот момент все звуки окончательно исчезли, а Любе показалось, будто у нее в животе образовалась черная дыра, в которую ее скоро затянет, и она просто перестанет существовать.

Тварь возвращалась к входной двери с той же самой улыбкой, с теми же безумными глазами. С «канделябра» в ее руке на пол капала кровь, а на лице этого существа не было видно ни усталости, ни сожаления, словно ничего вовсе и не произошло. Достигнув прихожей, подойдя в итоге к двери, оно выронило из своих рук держатель, и тогда металлический звон прогнал тяжелую тишину, которая повисла, ка-

жется, не только в этой квартире, в этом доме, но и во всем мире.

Любовь вновь затрясло, но в этот раз уже не от напряжения: внезапно тварь подняла руки и прошлась ладонями по своему лицу, снизу вверх, как бы прогоняя неожиданно появившуюся усталость ближе к макушке, смывая ее. Только не водой, а кровью: в итоге, когда животное руками уже держалось за волосы, все его лицо было багрового цвета. Без единого чистого пятнышка.

– Фух! – выдохнуло оно. Существо слегка наклонило голову в сторону и расслабило мышцы лица, имитируя тем самым то состояние, которое обычно переживает домохозяйка, только что закончившая все свои домашние дела.

– Ах ты сука! Сука! Су-ука-а-а! – закричала Люба и вновь начала сопротивляться силам, что ее удерживают. Тварь в свою очередь расхохоталась, а затем, лишь посмеиваясь, начала кокетливо облизывать свои пальцы, наслаждаясь вкусом крови. – Впусти меня, мразь! Помогите! Кто-нибудь! Помогите мне войти! У меня за дверью дьявол! За дверью дьявол!

Любовь, не в силах больше выдержать провокации мерзкого чудовища, закрыв глаза, кричала и пыталась вырваться из лап неизвестных ей сил. Казалось, что у нее нет шансов, но она ни на секунду не прекращала попытки, терпела боль от разрывающих ее когтей и уродливый смех, что вновь явил себя, вернулся со всей своей мощью. Он, словно кто-

нический монстр, был настолько отвратительным, настолько огромным по сравнению с ней, что затмевал все мысли Любы. Хохот в этот раз представлял собой нечто большее, чем просто звук: его можно было услышать, ощутить на вкус, он был осязаем. На слух, как крик младенца и лязганье вилок по тарелке, на вкус, как приправленное опарышами протухшее мясо, а ощущался зазубренными, ржавыми ножницами, которыми кто-то грубо пытается очистить твои уши, разводя лезвия, сводя их и отрезая часть плоти, все глубже засовывая лезвия в ушную раковину. Ужасный и бескомпромиссный. Истинно дьявольский смех. Кажется, он существовал внутри самой Любы, и где-то там, по проспектам ее измученной души, он бежал впереди, а Любовь его пыталась догнать, чтобы остановить, чтобы он прекратился, перестал сводить ее с ума. Но хохот все отдалялся. Временами он был просто быстрее ее, а порой слегка сокращал расстояние, давал легкую надежду, но затем резко менял направление движения и вновь отдалялся. А иногда он позволял себя догнать, и Любовь, уже предвкушая возмездие, как раз в этот момент проваливалась в бездну, не просто во тьму, а как будто в самую ее философскую суть, которая подло выводила Любовь на тот же самый путь, к той же самой ситуации, когда снова нужно поднапрячься и догнать назойливый дьявольский смех. И в один момент она все же очнулась.

– Да что ты говоришь?! – прозвучал как будто возмущенный дьявольский голос, и Люба со всей силы ударила ладоня-

ми по двери. Яростный огонь резким выстрелом проскочил по локтевым нервам. Любовь в мгновение напряглась, свела лопатки и прикусила до крови нижнюю губу, чтобы хоть как-то затмить эту боль.

– Да ты на себя посмотри! Совсем уже помешалась там! Больная! – послышался старушечий выкрик соседки.

Спустя пару секунд, когда боль начала спадать, Люба, игнорируя посторонний голос, вновь подалась к двери с целью открыть ее, попытаться выбить, но тут же заметила, что ручка находится с другой стороны, а замочная скважина сменилась вертушкой. Любовь резко развернулась и, покривившись несколько секунд от рези из-за впившихся в стопы осколков, увидела знакомую квартиру. Открытую дверь в комнату сына. Кровь на полу.

– Что... – еле слышно проговорила Люба, в шоке вновь развернулась к входной двери и увидела на ней два кровавых отпечатка ладоней. Любовь посмотрела на свои руки. Они были все в... Тогда она подняла кверху низ залитой кровью футболки, чтобы осмотреть живот. Затем она ощупала шею. Ничего. Никаких ран и порезов. – Нет... Это... Нет...

Мир в ее голове пошатнулся: она отказывалась верить в то, что произошло. Люба говорила себе, что это невозможно, приводила аргументы, но это никак не помогало объяснить то, что с ней случилось. Спустя десяток секунд из очередного транса ее вывел звук сирены за окном.

«Скорая?» – промелькнула мысль в голове.

– Вот! Отсюда слышно: уже приехали за тобой! Докричалась, окаянная!.. Дура! Тьфу! – прокричала бабуля.

То самое чувство, что периодически, наплывами овладевало Любой, призывало ее ответить старухе, но Любовь никак не отреагировала, так как это странное ощущение вновь было подавленным, слабым, тянулось неким эхом откуда-то из самых темных закоулков ее души: оно просто было не в силах сейчас управлять ею. Вместо ответа мать развернулась к комнате сына. Какие-то мгновения, под звук сирены, она думала зайти туда, но в итоге просто села на пол; ждать, пока за ней не придут. Уже поздно. Слишком поздно.

Послесловие автора

Наши монстры не «где-то там»: они не услышат наш зов, если будут далеко. Такими словами я заканчиваю свой текст и благодарю тебя, дорогой читатель, за время, проведенное за этим рассказом.

Стучись ко мне «ВКонтакте». Там я веду блог и анонсирую свои будущие книги. Надеюсь, мы с тобой еще встретимся. Спасибо.

<https://vk.com/mosolovkv>

Слова благодарности

Выражаю искреннюю признательность за бесценный опыт, мнение и поддержку тем, кто принял участие в создании этого произведения. Рита Мосолова, Кристя Пугач, Илья Куренков, Лера Раскатова, Ольга Дегтярева, Рома Исрафилов (Redzzz) и Вероника Лымарь, спасибо вам. Без вас этого рассказа не существовало бы.